

БѢЛОЗЕРСКАЯ ОБИТЕЛЬ

И ЕЯ ОСНОВАТЕЛЬ

ПРЕПОДОБНЫЙ КИРИЛЛЪ.

Съ картинкою.

На средства Издательскаго Общества при учрежденной, по Высочайшему повелѣнью, Министромъ Нагоднаго Просвѣщенія Постоянной Комиссiи по устройству народныхъ чтенiй.

ЦѢНА 10 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографiя А. Катанскаго и К^о. Невскiй пр., д. № 132.

1891.

О Бѣлозерской обители и ея основательѣ преподобномъ Кириллѣ.

Въ 1337 году, въ Москвѣ, въ благочестивой семьѣ родился мальчикъ — Косьма. Онъ росъ въ добродѣтели и былъ любимъ всѣми. Родители его скончались рано, поручивъ отрока богатому и знатному сроднику своему, великокняжескому окольнічьему, Тимоѣю Волуевичу. Вскорѣ по смерти родителей Косьма почувствовалъ призваніе къ иноческой жизни, но игумены монастырей не рѣшались постричь его, потому что боялись вельможи Тимоѣя. Тимоѣей любилъ юношу за его добрыя свойства, а когда Косьма возмужалъ, поручилъ ему управленіе своими имѣніями, потому разстаться съ нимъ Тимоѣю было тяжело. Косьма затаилъ завѣтное желаніе въ глубинѣ сердца и покорно ждалъ, когда Господу угодно будетъ удостоить его образа иноческаго, а пока старался воспитать себя въ духѣ подвижничества: постился, молился

усердно, прилежно посѣщаль храмы Божіи, творилъ милостыню, хранилъ чистоту тѣлесную, украшалъ себя незлобіемъ и смиреніемъ.

Наконецъ Богъ помогъ исполниться его желанію. Въ Москву пришелъ игумень Махрицской обители*) Стефанъ, мужъ въ то время всѣмъ извѣстный святостью своего житія. Узнавъ о прибытіи Стефана, Косьма явился къ нему, припалъ къ ногамъ его, и слезно молилъ о постриженіи.

— «Какъ Богу угодно, такъ пусть и будетъ!» подумалъ Стефанъ, и облекъ молящаго въ иноческое одѣяніе, назвавъ его Кирилломъ, но пострига не совершилъ, предоставляя дальнѣйшую судьбу новонареченнаго волѣ Божіей.

Затѣмъ Стефанъ пошелъ къ Тимоѳею. Тимоѳеѣ глубоко уважалъ преподобнаго, вышелъ къ нему на встрѣчу и просилъ благословенія себѣ и семьѣ своей.

— «Богомолецъ вашъ Кириллъ да благословить васъ!» сказалъ Стефанъ.

— «Какой Кириллъ?» спросилъ удивленный окольничій.

— «Бывшій сродникъ вашъ, Косьма, отвѣчалъ Стефанъ, нынѣ инокъ, Господу работникъ и о васъ молещикъ».

*) Обитель эта находилась верстахъ въ тридцати отъ Троицкой лавры.

Тяжко отозвались эти слова въ сердцѣ Тимоѳея; исполненный досады и скорби, онъ сталъ грубо упрекать игумена.

— «Иже аще не приѣмлетъ васъ, ниже послушаетъ словесъ вашихъ», возразилъ на эти упреки Стефанъ, вспоминая слова Христовы (Матѳ. 10, 14), «исходяще изъ дому, отрясите прахъ ногъ вашихъ»!.. и вышелъ.

Узнала о случившемся жена Тимоѳея, Ирина, и стала увѣщевать мужа:

— «Возможно ли оскорблять такого святого человѣка!» говорила она. Тимоѳею раскаялся. Призвавъ къ себѣ Стефана, онъ просилъ прощенія и заявилъ, что предоставляетъ Косьмѣ поступить по желанію. Стефанъ спѣшилъ принести добрую вѣсть Кириллу, который возвеселился духомъ, воздалъ хвалу Богу, благодарилъ Тимоѳея, роздалъ имѣніе свое неимущимъ, ничего не оставивъ себѣ, и просилъ Стефана наставить его на дальнѣйшіе подвиги.

Игуменъ повелъ его въ московскій «Новый Симоновъ» монастырь, къ архимандриту Θεодору, племяннику преподобнаго Сергія Радонежскаго. Θεодоръ постригъ Косьму, при чемъ сохранилъ данное ему Стефаномъ имя—Кириллъ.

Въ Симоновомъ монастырѣ въ то время славился житіемъ своимъ инокъ Михаилъ (впослѣд-

ствіи епископъ Смоленскій). Ему Ѳеодоръ и поручилъ новаго брата. Кирилль усердно подражалъ своему наставнику. Ревность его къ трудамъ и воздержанію была такова, что онъ просилъ у старца благословенія—ѣсть только разъ въ два или три дня; но старецъ этого не разрѣшилъ, повелѣвъ ѣсть съ братією, «только не до сытости». Ночью Кирилль вмѣстѣ съ Михаиломъ стоялъ на келлейномъ правилѣ, творя поклоны, а въ церковь на утреннюю службу являлся нервымъ. Изъ келліи Михаила Кирилль вскорѣ переведенъ былъ на служеніе въ хлѣбню, а затѣмъ въ поварню: носилъ воду, рубилъ дрова, раздавалъ пищу братіи, и, не взирая на утомленіе, проводилъ, по прежнему, ночи на молитвѣ, а ѣлъ мало, и часто только для того, чтобы скрыть отъ братіи строгое свое воздержаніе.

Святый Сергій Радонежскій, уже бывшій тогда въ великой славѣ, приходилъ иногда въ монастырь Симоновъ посѣтити племянника своего, архимандрита, и всегда заходилъ къ Кириллу. Они проводили многіе часы наединѣ, бесѣдуя о пользѣ душевной. Всѣ дивились, что Кирилль удостоился такой чести и стали обращать на него особенное вниманіе; но похвалы тяготили скромнаго инока, и онъ искалъ укрыться отъ нихъ въ тишинѣ и

безмолвіи. Видя такое настроеніе Кирилла, архимандритъ помѣстилъ его на нѣкоторое время въ отдѣльную келлію, поручивъ ему переписку книгъ; но затѣмъ снова перевелъ въ поварню, гдѣ подвижникъ служилъ братіи 9 лѣтъ. Даже удостоившись священства, правя церковныя службы на ряду съ прочими іеромонахами, онъ на время, свободное отъ служенія, возвращался къ трудамъ своимъ въ поварню.

Когда архимандритъ Θεодоръ посвященъ былъ во епископа Ростовскаго, Кириллъ возведенъ былъ на его мѣсто. Труды и подвиги святаго умножились: старыхъ иноковъ онъ любилъ, какъ братьевъ, юныхъ—какъ дѣтей, обо всѣхъ заботился неусыпно; многіе князья и вельможи приходили къ нему для бесѣды. Но власть и слава тяготили его. Не смотря на просьбы братіи, онъ оставилъ должность настоятеля и уединился въ келліи на подвигъ безмолвія и непрестанной молитвы.

«Но не можетъ свѣтильникъ утаиться подъ спудомъ: чѣмъ болѣе преподобный избѣгалъ почета отъ людей, тѣмъ болѣе прославлялъ его Господь въ людяхъ» *). Отовсюду притекали къ нему и духовные, и міряне, ища назиданія. Видя это, поставленный вмѣсто Кирилла архи-

*) Четии-Минен Св. Дмитрія Ростовскаго. Июнь.

мандрить, Сергій, проникся завистью: въ почетѣ, оказываемомъ Кириллу, онъ видѣлъ небреженіе къ себѣ. Узнавъ объ этомъ, преподобный не оскорбился, не позволилъ себѣ ни малѣйшаго упрека архимандриту, но, полный незлобія и смиренія, удалился въ ближній монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы *). Тутъ запало ему на душу желаніе уйти подальше отъ міра и соблазновъ мірскихъ—въ пустыню. Сталъ онъ усердно молиться Богу и Пречистой Богоматери: «Настави меня, укажи мнѣ куда итти, покажи мнѣ мѣсто, ко спасенію удобное». И услышалъ Господь слезное моленіе угодника своего.

Преподобный имѣлъ обычай каждую ночь пѣть акаѳистъ предъ иконою Богородицы; и вотъ однажды, дойдя до словъ акаѳиста: «Странное рождество видѣвше, устранимся міра, умъ на небеса преложше»... онъ умилился сердцемъ, весь отдался любимому помыслу: «какъ бы дѣйствительно, устранившись отъ всякой суеты

*) Монастырь этотъ называли также «Старымъ Симоновымъ», такъ какъ въ 1370 г. онъ основанъ былъ преподобнымъ Сергіемъ на мѣстѣ, принадлежавшемъ нѣкому Симону. Первымъ его игуменомъ былъ тотъ же Феодоръ, о которомъ мы говорили выше; но вскорѣ (1379 г.) Феодоръ основалъ рядомъ другой монастырь, именуемый «Новымъ Симоновымъ», въ который первоначально и приведенъ былъ св. Кирилль. Старый Симоновъ монастырь упраздненъ, церковь же его въ память Рождества Пресвятыя Богородицы существуетъ до сихъ поръ.

мірской, поработать Господу въ уединеніи?» и съ новымъ усердіемъ сталъ молить Пресвятую Дѣву, да наставитъ его на путь спасенія. Вдругъ слышитъ онъ внѣ келліи какъ бы издалека призывающій голосъ: «Кирилль, иди на Бѣлоозеро, тамъ найдешь покой душевный, тамъ уготовала Я тебѣ мѣсто, гдѣ обрѣцешь спасеніе». Преподобный бросился къ окну и пораженъ былъ чуднымъ видѣніемъ: на сѣверѣ увидаль онъ ярко озаренную, незнакомую мѣстность, и лучъ свѣта, опускаясь съ небесъ, какъ бы указываль на нее. Пораженный радостнымъ трепетомъ, долго стоялъ Кирилль у окна, вглядываясь въ сіяющую даль... Когда же видѣніе исчезло, сердце Кирилла исполнилось неизреченной радости. Полный благоговѣнія, докончилъ онъ прерванный акаѳистъ и весь остатокъ ночи провелъ безъ сна въ горячей молитвѣ.

Въ Рождественскомъ монастырѣ жилъ въ то время инокъ Оерапонтъ, постриженный въ монашество одновременно съ Кирилломъ. Онъ бываль на Бѣлоозерѣ.

— «Есть ли тамъ мѣста, удобныя для безмолвнаго житія?» спросилъ его Кирилль.

— «Много тамъ мѣсть, удобныхъ для уединенія», отвѣчалъ Оерапонтъ.

Кирилль предложилъ Оерапонту вмѣстѣ итти

на Бѣлоозеро. Пройдя долгій путь, благочестивые иноки пришли въ желанный край, но Кирилль долго бродилъ по нему, не находя мѣстности, указанной ему въ видѣніи, пока однажды не набрелъ на берега озера Сиверскаго, на «мѣсто, огражденное водами яко стѣною», гдѣ нынѣ стоитъ святая обитель Бѣлозерская.

— «Вотъ мѣсто успокоенія моего», воскликнулъ Кирилль: «здѣсь поселюсь по указанію Пречистой Матери Божіей. Благословенъ отнынѣ и до вѣка Господь Богъ, услышавшій моленіе раба своего!», водрузилъ крестъ и, пропѣвъ хвалебный канонъ Богородицѣ, впервые разсказалъ Ѳерапонту о своемъ видѣніи.

Пришельцы выкопали себѣ землянку и сначала жили въ ней вмѣстѣ; но вскорѣ разстались, «ища полного безмолвія». Ѳерапонтъ поселился верстахъ въ 15-ти, близъ озера Павскаго, на мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи тоже возникла обитель (въ память Рождества Богородицы), нынѣ упраздненная и обращенная въ приходскую церковь, но славная въ лѣтописяхъ нашего монашества подъ именемъ «монастыря Ѳерапонтова».

Кириллу было 60 лѣтъ, когда онъ пришелъ на Сиверское озеро. Тридцать лѣтъ монастырской жизни воспитали въ немъ силу воли, го-

товую на трудные подвиги. Въ возрастѣ, когда другіе кончаютъ земное поприще, преподобный, бодрый духомъ и тѣломъ, еще смѣло выступаетъ на поприще духовнаго просвѣщенія обширнаго края Бѣлозерскаго.

Усердно проходилъ угодникъ Божій подвиги пустыннаго житія. Но вотъ однажды на убѣжище его случайно набрали два благочестивые христіанина—Авксентій Воронъ и Матѳеѣй Кукось. Изумленные житіемъ преподобнаго, глубоко потрясенные его бесѣдой, они стали посѣщать его ради поученія и благословенія. Они же рассказали святому, что за много лѣтъ до прибытія его, на мѣстѣ, имъ избранномъ, жившій неподалеку земледѣлецъ Исаія и многіе другіе люди часто, особенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, слышали звонъ и дивное пѣніе, и не разъ приходили посмотреть—откуда этотъ звонъ, откуда голоса? Но видѣть имъ ничего не удавалось, и они каждый разъ уходили въ трепетъ и недоумѣніи.

Вскорѣ слава о святомъ старцѣ распространилась далеко, и къ нему стали приходять жаждущіе пользы душамъ своимъ. Многіе просили разрѣшенія поселиться при немъ; пришли къ нему и два «любезные и единомысленные» ему инока Симонова монастыря, прося принять ихъ въ сожительство. Всѣ

искали наставленій преподобнаго, искали себѣ въ немъ руководителя, отца духовнаго. Напрасно Кирилль уклонялся, напрасно въ искреннемъ смиреніи заявлялъ, что не ему, грѣшному и недостойному, руководить ближними въ трудахъ спасенія; «побѣждаемый братолюбіемъ и желаніемъ спасенія душъ человеческихъ» онъ, наконецъ, сталъ принимать братію. Вокругъ скромнаго жилища угодника Божія возникли келліи учениковъ его.

Вскорѣ братія стала думать—какъ бы воздвигнуть церковь для общей молитвы? Лѣса много вокругъ, но между отшельниками не было плотниковъ. Св. Кирилль усердно молился Богоматери о помощи, и вотъ однажды пришли откуда-то никѣмъ не званые плотники и соорудили церковь въ память Успенія Пресвятой Богородицы. Такъ положено было основаніе монастырю Бѣлозерскому.

Преподобный много заботился о духовномъ преуспѣяніи обители и съ самаго начала установилъ въ ней твердыя правила благочестиваго общежитія. Инокъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго личнаго имущества; братія всѣ трудились, но плоды трудовъ братскихъ отдавались въ общую монастырскую казну,—изъ нея иноки получали все имъ потребное безъ излишества. Пища полагалась самая

скудная; какъ питье, допускалась только вода, да и той никто въ келліи своей не держалъ: чувствуя жажду, инокъ, чтобы утолить ее, долженъ былъ итти въ трапезу; инокамъ запрещалось посѣщать другъ друга безъ крайней надобности. Преподобный училъ братьевъ бесѣдовать между собою только въ духѣ священнаго Писанія, воздерживаясь отъ собственнаго любомудрія, и т. д.

Въ высококомъ подвижничествѣ св. Кирилль прожилъ до глубокой старости и еще при жизни получилъ отъ Бога даръ чудотворенія. Скончался онъ, имѣя 90 лѣтъ отъ роду. Въ день смерти, чувствуя близкую кончину, преподобный призвалъ къ себѣ всю братію (53 человекъ). Иноки рыдали, скорбя объ отходящемъ и объ обители, опасаясь, что она оскудѣетъ безъ славнаго своего основателя. Кирилль утѣшалъ ихъ: «Не скорбите, братія и дѣти, мѣсто это не оскудѣетъ, только любовь имѣйте между собою. Уже часъ мнѣ почити о Господѣ; предаю васъ Богу и Пречистой Матери Его. Они да сохранятъ васъ отъ всѣхъ искушеній лукаваго». Тутъ же преподобный назначилъ одного изъ иноковъ—Инокентія—своимъ преемникомъ, игуменомъ. Такъ, послѣднею заботой его было, чтобы не разорилось общежитіе. Братія подходили

къ умирающему; онъ же, какъ чадолюбивый отецъ, всѣхъ лобызалъ, всѣхъ ласкалъ, всѣмъ оставлялъ послѣднее благословеніе и у всѣхъ просилъ прощенія; затѣмъ причастился Св. Таинъ и тихо, мирно отдалъ Господу свою святую душу, «еще молитвѣ въ устахъ его сущей». 9 іюня 1427 года тѣло его было предано землѣ.

Отъ св. Кирилла Бѣлозерскаго осталось намъ три посланія, къ тремъ братьямъ князьямъ, сыновьямъ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго: къ великому князю Василию Дмитріевичу, къ князьямъ Юрію и Андрею Дмитріевичамъ. Приведемъ нѣсколько строкъ изъ посланія св. Кирилла къ князю Андрею Дмитріевичу Можайскому (ср. стр. 36 и 37):

«И ты, господине, властелинъ еси въ отчинѣ отъ Бога поставленъ люди уймать отъ лихаго обычая: судъ бы судили праведно, какъ передъ Богомъ, право; поклеповъ бы не было; подметовъ бы не было; судьи бы посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими (тѣмъ, что имъ положено)... А крестьянамъ, господине, не лѣнись давати управы самъ; то выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы, и поста»... «А отъ упиванія бы есте уймались, а милостынюку бы есте по силѣ давали; понеже, господине, поститися не можете, а молитися лѣнитесь, ино въ то

мѣсто милостыня вашъ недостатокъ исправить»... «Въ церкви стойте со страхомъ и трепетомъ, помышляюще себе аки на небеси стояще: зане же церковь наречется земное небо, въ ней же свершаются Христовы таинства. Блюди и себе, господине, опасно: въ церкви стоя, бесѣды не твори, а кого видиши изъ вельможъ своихъ или отъ простыхъ людей бесѣдующа въ церкви, и ты имъ, господине, возбраняй, понеже то все прогнѣваетъ Бога».

Къ великому князю Василию Дмитриевичу преподобный между прочимъ писалъ:

.. «Чѣмъ большей сподобился ты власти отъ Бога, тѣмъ большему подлежишь воздаянію (отвѣту). Воздай же Благодѣтелю долгъ, храня Его святыя заповѣди, и уклоняйся пути, ведущаго къ погибели... Если самъ князь грѣшитъ, то наноситъ вредъ всѣмъ людямъ, подъ нимъ состоящимъ... Возлюби братію свою и всѣхъ христіанъ, и твоя вѣра къ Богу и милостыня къ нищимъ пріятны будутъ Господу».

Эти немногія строки свидѣтельствуютъ о смиренномъ духѣ преподобнаго, о простотѣ его какъ въ мысли, въ чувствѣ, такъ и въ словѣ, а также о той духовной связи, которая соединяла святаго отшельника съ державцами земли Русской.

Таковъ былъ великій угодникъ Божій, осно-

ватель обители Бѣлозерской. Ознакомимся теперь съ самой обителью, имъ основанной.

Обитель Бѣлозерская лежитъ въ отдаленномъ краѣ Новгородской губерніи, прилегающемъ къ губерніи Вологодской, и гораздо ближе къ Вологдѣ, чѣмъ къ Новгороду; именно отъ Новгорода до нея 600 верстъ, отъ Вологды же только 120: верстъ 30 до Кубенскаго озера, верстъ 60 вдоль этого озера, а затѣмъ еще верстъ 30 по мѣстности холмистой, обильной озерами и рѣчками, потому довольно живописной.

Съ одного изъ холмовъ еще за нѣсколько верстъ путнику внезапно открываются бѣлокаменные стѣны обители съ ихъ многочисленными башнями, святыя храмы и келліи ея, прилегающій къ ней городокъ—Кирилловъ, и окрестная мѣстность.

Монастырь окруженъ водами; стѣны его съ южной стороны высятся какъ бы прямо изъ водъ озера Сиверскаго, которое тянется верстъ на пять или на шесть, а въ ширину имѣеть не болѣе версты. Посрединѣ этого озера, противъ монастыря,—небольшой островокъ, и на немъ деревянный крестъ, по преданію—водруженный преподобнымъ Кирилломъ. Невдалекѣ еще два озера—Бабье и Долгое. Между озерами вездѣ поднимаются лѣсистыя пригорки. Высоко

надъ всей окрестностью красуется справа, за Сиверскимъ озеромъ, гора Маурина или Маура. Изъ-за вершины Мауры едва мелькаютъ главы Горицкаго женскаго монастыря.

Городъ Кирилловъ лежитъ на пути къ монастырю, впереди его, и не представляетъ ничего замѣчательнаго; за нимъ монастырь, обнесенный обширною стѣной (716 сажень въ окружности), которая съ востока, сѣвера и запада имѣетъ 16 аршинъ въ вышину, и только съ юга, гдѣ монастырь прилегаетъ къ озеру Сиверскому, понижается до 9-ти аршинъ.

Шестнадцати-аршинныя стѣны имѣютъ сажени три толщины въ основаніи и построены въ три яруса; въ нижнемъ прежде находились кузни, амбары, разныя службы, а лѣтъ тридцать — сорокъ тому назадъ тамъ еще хранилась казенная соль; во второмъ и третьемъ ярусѣ устроены просторные открытые ходы (галереи), по которымъ свободно могла бы проѣхать карета. Къ стѣнамъ примыкаютъ нѣсколько башенъ различной величины; однѣхъ большихъ башенъ десять. Всѣхъ величественнѣе «Московская», о 15 граняхъ, въ нѣсколько ярусовъ; съ 25-ти саженной высоты ея открывается прекрасный видъ на окрестность. Теперь всходить можно только на немногія, изъ башенъ, такъ какъ внутри онѣ сильно постра-

дали отъ времени, а встарину—на сколько можно судить по сохранившимся остаткамъ — всѣ онѣ снабжены были внутренними лѣстницами и заключали въ себѣ по нѣскольку помѣщений. Въ этихъ башняхъ устроены были и тѣ страшные *каменные мѣшки*, въ которыхъ томились присылаемые въ монастырь преступники, опальные люди, а также плѣнные. «Мѣшокъ» представлялъ собою глубокое, узкое пространство, какъ бы колодезь, въ который опускался узникъ.

Крѣпкія стѣны и грозныя башни вмѣстѣ имѣють вполне видъ старинной крѣпости—кремля. Древнѣйшіе изъ монастырей нашихъ, возникавшіе на окраинахъ, всѣ почти строились такимъ образомъ; и недаромъ: они нерѣдко подвергались нападенію враговъ земли Русской и служили ей оплотомъ. Въ томъ же 1612 году, когда Троицкая лавра выдержала знаменитую осаду, о которой рассказано въ книжкѣ нашей о великой обители св. Сергія *), литва подступала и къ Кириллову монастырю. «Въ 7120 году (1612 г.) юня въ 10-й день», пишетъ лѣтописецъ, «литва выжгла Бѣлоозеро, а въ 20-й день августа подходила подъ Кирилловъ монастырь и выжгла многое въ

*) «Свято-Троицкая Сергіева Лавра. Ея значеніе въ жизни Русскаго народа».

немь»; а «въ слѣдующемъ году, сентябрю въ 22 день, литва выжгла Вологду, и опять приступала къ монастырю ночью на 5 декабря, а затѣмъ ночью на 11 декабря, но была отбита». На западной сторонѣ Сиверскаго озера до сихъ поръ показываютъ одинокій холмъ, называемый Золотухой, на которомъ стоялъ лагерь непріятели, и гдѣ ядромъ съ башни монастырской убитъ былъ вражескій воевода. Въ 1633 году царь Михайль Ѳеодоровичъ счелъ необходимымъ возобновить пострадавшія стѣны монастырскія; онѣ строились 33 года, окончены при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1666 году, стоили большихъ денегъ и много труда.

Укрѣпленный такимъ образомъ монастырь Бѣлозерскій могъ дѣйствительно считаться первостепенною твердынею. Кромѣ царскихъ стрѣльцовъ, онъ вооружалъ при надобности и собственныхъ ратниковъ изъ приписанныхъ къ нему 20,000 крестьянъ. Изъ грамотъ, хранящихся въ обители, видно, что въ смутный XVII вѣкъ она не разъ снабжала государство деньгами, хлѣбомъ и воинскими снарядами. По описи 1668 г. по стѣнамъ ея разставлено было до десяти пушекъ большаго калибра (въ 80 и болѣе пудовъ), и до 20-ти средняго (въ 40—50 пуд.). Каждая пушка носила свое названіе: «По-

рывай», «Задоръ», «Полканъ» и т. п. Одного пороха хранилось въ монастырѣ 300 пудовъ, ядеръ 3000, мушкетовъ нѣмецкихъ до 800, пицалей турецкихъ и шведскихъ 350, столько же карабиновъ, до 600 пистолетовъ, кромѣ того всякія сабли, бердыши, кинжалы и проч. Не мало по тогдашнему времени!

Вступивъ внутрь этого кремля черезъ главные ворота, расположенныя подъ Казанской башней, посрединѣ сѣверной стѣны, увидите сначала обширный древній монастырскій дворъ, нынѣ обращенный въ поле и засѣянный хлѣбомъ. Только по сторонамъ этого двора еще уцѣлѣли слѣды стоявшихъ въ немъ нѣкогда келлій. По развалинамъ можно догадываться, что келліи эти построены были безъ трубъ и топились «по черному», какъ курныя избы; потому, вѣроятно, потолки ихъ покрыты копотью; отъ половъ слѣда не осталось; освѣщались келліи тускло маленькими окнами. Полагаютъ, что собственно братія монастырская въ нихъ не жила, что онѣ предоставлялись служителямъ монастырскимъ, преимущественно же ратникамъ, защитникамъ монастырскаго кремля.

Въ глубинѣ древняго двора, за посѣвами, виднѣется вторая, внутренняя стѣна, тоже снабженная башнями. Она составлена соб-

ственно изъ монастырскихъ зданій, бывшихъ келлій, теперь большею частью запустѣвшихъ. Слева она, однако, не прилегаетъ къ западной части большой стѣны непосредственно, а упирается въ невысокую сравнительно каменную ограду, за которой виднѣется одинокій холмъ, осѣненный вѣковыми соснами. На холмѣ двѣ церкви и двѣ часовни. Это совершенно отдѣльная часть обители—называемая «Ивановскимъ монастыремъ».

За внутреннюю стѣной и за «Ивановскимъ монастыремъ» собственно и ютится обитель Бѣлозерская. Входятъ въ нее Святыми воротами, расположенными подъ двухпридѣльною церковью во имя Іоанна Лѣствичника и Θεодора Стратилата. Поставлена эта церковь царемъ Іоанномъ IV, —именами тѣхъ же святыхъ наречены были сыновья его, Іоаннъ и Θεодоръ Іоанновичи. Замѣчательна запись монастырская о вкладѣ царевича Іоанна: «Царевичъ князь Иванъ Ивановичъ пожаловалъ въ домъ пречистой Богоматери и чудотворца Кирилла тысячу рублей игумену съ братією, и должны они за князя Иваново здравіе молити... А благоволить Богъ, царевичъ князь Иванъ Ивановичъ похочетъ постричься, и намъ царевича князя Ивана постричи за тотъ вкладъ; а если, по грѣхамъ, царевича Ивана не станетъ, то и помпнати».

Запись эта значится подь 1570 годомъ, сдѣлана слѣдовательно въ пору самыхъ страшныхъ казней Іоанновыхъ... Быть можетъ, напуганный ими, царевичъ думалъ укрыться въ стѣнахъ обители.

Ворота, расположенныя подь этой церковью, украшены изображеніями событій изъ жизни угодника Божія Кирилла. За ними передь богомольцемъ открываются храмы, колокольни, зданія монастыря, его сады, огороды, покосы, и рѣчка—вѣрнѣе ручей—Сіяга или Свирыга, вытекающій изъ озера Долгаго (на западъ отъ монастыря) и подтекающій нѣсколько разъ подь стѣны монастырскія, пока онъ наконецъ не вливается подь восточную часть ихъ въ озеро Сиверское.

Но особенно привлекаетъ вниманіе древній, уже нѣсколько ушедшій въ землю соборъ Успенія Богородицы, какъ бы сросшійся съ пятью другими церквами, соединенными подь общей крышей съ нѣсколькими куполами. Взоръ напрасно ищетъ другаго, болѣе величественнаго зданія, которое бы соотвѣтствовало громкой славѣ монастыря Бѣлозерскаго. Но древность собора и святыни его привлекаютъ къ нему сердца болѣе всякаго внѣшняго благолѣпія. Изъ подь широкой арки, отдѣляющей полуразрушенную паперть отъ собора, откры-

вается вся его внутренность и древній иконостасъ, простотою своей живо напоминающій вѣка давно минувшіе. Иконы его разставлены въ нѣсколько ярусовъ на полкахъ, безъ всякой рѣзбы или колоннъ между ними; иконы нижняго ряда, «стоящія», какъ говорится, «на поклонѣ», древняго изящнаго письма; храмовая же икона Успенія писана знаменитымъ иконописцемъ временъ Дмитрія Донскаго, Андреемъ Рублевымъ*). Среброкованная съ филиграновыми украшеніями царскія врата, какъ видно по надписи надъ ними, пожертвованы царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ. По лѣвую сторону вратъ этихъ въ кипарисномъ позлащенномъ кивотѣ стоитъ — великое сокровище — икона Богоматери Одигитрии, та самая, предъ которой молился преподобный Кирилль, когда услышалъ дивный гласъ, иризвавшій его въ края Бѣлозерскіе. Она богато украшена дарами царя Іоанна Васильевича и первой супруги его Анастасіи Романовны, а также и другихъ лицъ.

Мощи преподобнаго покоятся въ среброкованной рацѣ, въ отдѣльной церкви, построенной во имя его и примыкающей къ собору съ южной стороны. Рака, какъ значитъ въ надписи на ней,

*) Въ расходной книгѣ Кириллова монастыря, 1612 г., записано: «Съ иконы Успенія, письма Рублева, сняты яхонты и жемчуги на икону преподобнаго, писанную ученикомъ его Діонисіемъ».

сооружена въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, усердіемъ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, постригшагося въ лаврѣ Кирилловой подъ именемъ Ѳеодосія (ср. стр. 27).

Между описаннымъ холоднымъ соборомъ Успенія и теплымъ Введенія стоитъ ветхій храмъ Архангела Гавріила (съ придѣломъ во имя святыхъ Константина и Елены), сооруженный великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ. Вмѣстѣ съ супругою своею Еленою, изъ рода Глинскихъ, ходилъ онъ на богомолье въ монастырь Кирилловъ, чтобы испросить себѣ сына, наслѣдника Русскому престолу, и родился у него сынъ, Іоаннъ, въ послѣдствіи прозванный Грознымъ. Память объ этомъ событіи Государь выразилъ не только построеніемъ въ обители этого храма и другаго на Ивановой горѣ (о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ), но еще тѣмъ, что, умирая, постригся въ схиму инокомъ обители Кирилловой, принявъ имя «Варлаамъ». Царь Іоаннъ также три раза посѣщаль обитель преподобнаго и скончался постриженникомъ ея, «схимонахомъ Іоною».

Теплый соборъ Введенія, устроенный изъ древней трапезы, къ сожалѣнію передѣланъ на новый ладь и утратилъ священное благолѣніе старины. Въ былое время въ этой трапезной совершались царскія заздравныя и поминаль-

ныя трапезы, которыя такъ часто повторялись въ монастырѣ Кирилловѣ, что для нихъ существовалъ тамъ особый чинъ. Здѣсь не разъ возсѣдалъ съ братією грозный Іоаннъ. Изъ обращенныхъ къ югу многочисленныхъ рѣшетчатыхъ оконъ трапезы открывается пустынный видъ на озеро Сиверское, слышенъ шумъ волнъ, плещущихъ въ стѣну монастырскую. На столпѣ посреди храма обращаетъ на себя вниманіе очень древняя икона Умиленія Богоматери, великолѣпно украшенная яхонтами, изумрудами и жемчугомъ—даръ благочестивой княгини Ефросиніи, въ инокиняхъ Евдокии, супруги князя Андрея Ивановича Старицкаго, дяди Грознаго (ср. стр. 39).

Изъ двухъ остальныхъ церквей, связанныхъ съ соборомъ Успенія, одна сооружена была надъ родою усыпальницею князей Воротынскихъ, другая надъ гробницами князей Телятевскихъ. Изъ погребенныхъ здѣсь Воротынскихъ особенно замѣчателенъ князь Михаилъ, прозванный за свои подвиги во время осады Казани «слугою Государевымъ», но затѣмъ попавшій въ опалу и сосланный въ Кирилловъ монастырь вмѣстѣ съ іереемъ Сильвестромъ и другими дѣятелями первыхъ, славныхъ лѣтъ царствованія Іоаннова. Черезъ три года онъ былъ прощенъ и успѣлъ оказать

новую услугу отечеству, разгромивъ полчища хана крымскаго Девлетъ-Гирея (подъ Москвою на р. Лопаснѣ). Не прошло, однако, и года послѣ этой побѣды, какъ Воротынскаго опять схватили, со словъ бѣглаго холопа обвинили въ ворожбѣ, страшно пытали и, наконецъ, полуживаго опять повезли въ заточеніе на Бѣлоозеро. Туда прибыло, однако, только тѣло доблестнаго князя Михаила. Онъ умеръ на пути, въ Каширѣ.

Кромѣ Воротынскихъ и Телятевскихъ много вкладовъ дѣлали въ обитель еще бояре Шереметевы. Два знаменитыхъ представителя этого рода проходили въ ней иноческое житіе: туда укрылся и принялъ монашество въ дни Иоанновы воевода Иванъ Васильевичъ, прозваніемъ Большой, который неоднократно поражалъ полчища татаръ ордынскихъ, казанскихъ и крымскихъ, а на сдѣланный ему грознымъ царемъ въ темницѣ вопросъ:

— «Гдѣ сокровища твои?», могъ отвѣтить:

— «Руками нищихъ я переслалъ ихъ къ моему Христу Спасу».

Другой Шереметевъ, бояринъ Θεодоръ Ивановичъ, послѣ смутнаго времени призывавшій на царство юнаго Михаила Θεодоровича, участвовавшій во всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ его, въ глубокой старости пришелъ въ

обитель Кириллову и скончался въ ней у гроба преподобнаго, принявъ схиму подъ именемъ Θεодосія. Мы уже указывали, что имъ сооружена и рака св. Кирилла (ср. стр. 24). Оба эти Шереметевы, полагаютъ, похоронены были на паперти Успенскаго собора, но могильныя плиты ихъ не сохранились.

Еще объ одномъ знаменитомъ узникѣ напоминаетъ монастырь Кирилловъ—о великомъ патріархѣ Никонѣ. Самовольно оставивъ престоль патріаршій, Никонъ восемь лѣтъ жилъ въ любимомъ, имъ же устроенномъ, монастырѣ Воскресенскомъ, который болѣе извѣстенъ подъ именемъ Новаго Іерусалима; но въ 1666 году судъ, для котораго царь Алексѣй Михайловичъ призывалъ въ Москву восточныхъ патріарховъ, осудилъ такое самовольное оставленіе святительскаго престола, и Никонъ сосланъ былъ въ Терапонтовъ монастырь простымъ монахомъ. Десять лѣтъ прожилъ онъ здѣсь, когда до патріарха Іоакима дошелъ слухъ, будто изгнанникъ въ обители Терапонтовой живетъ въ почетѣ, будто ближніе люди не перестаютъ величать его патріархомъ. Изъ Терапонтовой обители Никона перевели въ Кириллову, отобравъ отъ него келейную казну его. Всѣхъ бывшихъ при немъ людей разослали по дальнимъ мѣ-

стамъ. Въ Кирилловѣ монастырѣ приставили къ нему крѣпкую стражу, дали ему душныя, дымныя келліи, въ которыхъ Никонъ почти каждый день страдалъ отъ угара.

Наконецъ, внимая напоминаніямъ немногихъ вѣрныхъ друзей Никона, а также голосу собственнаго сердца,—крестникъ Никона, царь Θεодоръ Алексѣевичъ, облегчилъ участь страдальца: сначала онъ утѣшилъ его собственноручнымъ письмомъ и возвращеніемъ къ нему близкихъ ему лицъ, удаленныхъ при переводѣ его изъ Оерапонтова монастыря въ Кирилловъ, а затѣмъ вскорѣ, съ благословенія патріарха Іоакима, рѣшился отпустить старца въ дорогую ему обитель, къ сердечно преданной ему братіи Новаго Іерусалима.

За нѣсколько дней до прибытія посланника царскаго съ доброю вѣстью, Никонъ какъ бы предчувствовалъ близкое освобожденіе, и, не смотря на крайне болѣзненное состояніе, сталъ готовиться въ путь, а въ день пріѣзда дьяка государева облекся въ дорожныя одежды и сѣлъ въ кресло на крыльцо.

— «Я готовъ, что же вы не собираетесь?» говорилъ онъ недоумѣвавшимъ келейнымъ «сейчасъ за нами придуть...»

Каково же было общее изумленіе, когда

дѣйствительно прибылъ посланный, возвѣстившій Никону царскую милость.

Верстахъ въ шести отъ Кириллова монастыря, за горой Маурой, протекаетъ Шексна. Начали готовить струги для отѣзда водою: старецъ уже былъ такъ слабъ, что дальняго переѣзда въ повозкѣ вынести бы не могъ. Его съ трудомъ довели до Шексны. Настоятель Воскресенской обители выслалъ навстрѣчу Никону іеромонаха Варлаама, который долго жилъ со святителемъ въ монастырѣ Оерапонтовомъ, а также другихъ иноковъ изъ братіи новоіерусалимской. Они встрѣтили его на Шекснѣ, верстахъ въ двадцати отъ впаденія ея въ Волгу, и хотѣли везти его вверхъ по Волгѣ. Но святитель чувствовалъ, что желанной цѣли ему живымъ уже не достигнуть, и велѣлъ спуститься къ Ярославлю. Народъ, провѣдавъ, что на Волгѣ показались струги патріарха, стекался со всѣхъ сторонъ, ища его благословенія, домогаясь, какъ радости и почета, тянуть вдоль берега бичеву, съ помощью которой струги медленно плыли по Волгѣ. Святитель скончался близъ Толгскаго монастыря, среди плача многочисленной толпы, собравшейся издалека ему на встрѣчу. Тѣло его, однако, привезено было въ основанную имъ обитель Іерусалимскую и тамъ погребено въ присутствіи царя,

съ почестями патріаршескими. Почести эти возданы были ему потому, что царь, освободивъ Никона изъ заточенія, просилъ также восточныхъ патріарховъ снять съ него осужденіе и признать его снова въ чинѣ святительскомъ. Разрѣшительная грамота ихъ пришла въ Москву до похоронъ Никона, но когда его въ живыхъ уже не было. Въ ней установлено, что «не винъ ради душевныхъ или тѣлесныхъ, отчуждающихъ архіерейства безъ возврата, осужденъ былъ Никонъ... но былъ непоколебимымъ столпомъ благочестія; яко же человекъ, человѣчески болѣзнуя, отъ малодушія нѣсколько объять и уныніемъ бывъ побѣжденъ, оставилъ свое мѣсто»... что «хотя онъ и осужденъ былъ по законамъ, но потомъ смиреніемъ, злостраданіемъ, постомъ и молитвами и бдѣніемъ всечаснымъ, яко злато въ горнилѣ искушенъ былъ... посему воззванъ онъ пакн въ архіерейское и патріаршее достоинство и съ прочими патріархами долженъ воспріять законное поминовленіе».

Въ юго-восточномъ углу обители стоитъ небольшая церковь во имя св. Евѡимія Великаго, построенная въ 1653 году при тогдашнихъ больничныхъ келліяхъ. Церковь эта теперь заустѣла и упразднена. Съ боку къ ней пристроено маленькое помѣщеніе, которое

въ настоящее время обращено въ кладовую. Это помѣщеніе нѣкогда служило молитвенною храминою Никона. Церковь св. Евѳимія была ближайшею къ его келліи и онъ слушалъ въ ней службы, стоя въ прилегающей къ ней хранинѣ отдѣльно отъ другихъ.

Есть, наконецъ, за внутренней стѣною монастыря, и еще небольшая церковь во имя Преображенія подъ воротами южной стѣны, выходящими къ Сиверскому озеру, но она находится въ иолномъ упадкѣ и ничего замѣчательнаго въ себѣ не заключаетъ.

За церковью св. Евѳимія, между больничнымъ кориусомъ и келліями намѣстника, — выходъ изъ внутренней ограды къ отдѣльному «Ивановскому монастырю» (ср. стр. 21). Какъ мы уже сказали, онъ расиоложенъ въ западномъ углу перваго двора на лѣсистомъ холмѣ, прилегающемъ съ одной стороны къ западной стѣнѣ монастырскаго кремля, съ другой — къ зданіямъ, которыми запустѣлый первый дворъ отдѣляется отъ самой обители. Этотъ холмъ — священный холмъ: въ немъ была ископана та землянка, въ которой, придя на мѣсто, указанное Богоматерью, первоначально поселились св. Кириллъ и св. Ѳерапонтъ. Слѣды ея окончательно обрушились въ 1764 г., когда надъ нею соорудили

тяжелый каменный навѣсъ, теперь осѣняющій часовню, которую нѣкоторые признають за позднѣйшую келлію преподобнаго. Другая часовня на томъ же холмѣ, также охраняемая каменнымъ навѣсомъ, по преданію, срублена самимъ Кирилломъ изъ сосноваго лѣса. Въ ней не болѣе квадратной сажени. Здѣсь, какъ полагають, преподобнымъ и первыми сподвижниками его совершалось богослуженіе, пока молитвами ихъ незваные плотники не построили братіи первую брусную церковь (ср. стр. 12). Возлѣ часовень два креста, высотой въ сажень: одинъ четвероконечный, другой осьмиконечный. Оба они водружены преподобнымъ. На стѣнѣ противъ нихъ полустертая иконы: одна изображаетъ видѣніе, призвавшее св. Кирилла изъ Рождественскаго монастыря въ страну Бѣлозерскую, другая—сопутника Кириллова, св. Терапонта. Иконы эти напоминають, что собственно холмъ Ивановскаго монастыря должно признать колыбелью славной обители.

На холмѣ двѣ церкви: одна во имя св. Іоанна Предтечи съ придѣломъ во имя преподобнаго Кирилла, другая (съ трапезою) во имя святаго Сергія. Въ ветхомъ синодикѣ монастырскомъ читаемъ: «Лѣта 7040 (1532), Декабря 13-го, священи были въ Кирилловѣ четыре престо-

да, два въ монастырѣ и два на горѣ, въ одинъ день: въ монастырѣ соборъ Архангела Гавріила да царей Константина и Елены, а на горѣ—Усѣкновенія Предтечи да чудотворца Кирилла; а освящаль владыка вологодскій, Алексій». Изъ этого ясно, что великій князь Василій Іоанновичъ соорудилъ въ одно время два храма: упомянутый выше храмъ Архангела, на память дня своего рожденія, съ придѣломъ во имя ангела своей супруги; да на самомъ холмѣ преподобнаго—храмъ во имя ангела новорожденнаго сына, Іоанна, съ придѣломъ во имя св. Кирилла, молитвами котораго испрошенъ былъ младенецъ, и всѣ четыре престола, устроенные въ память одного событія, освящены въ одинъ день. А такъ какъ Іоаннъ крещенъ былъ у раки преподобнаго Сергія, то есть вѣроятіе, что другая церковь сооружена на холмѣ Кирилловомъ въ память этого событія, если не Василиемъ Іоанновичемъ, то позже—самимъ Іоанномъ.

Теперь обѣ церкви — и Предтеченская, и Сергіевская—къ сожалѣнію пришли въ совершенную ветхость; трапеза при храмѣ св. Сергія даже обращена въ кладовую.

Увы, и весь монастырь находится въ очевидномъ упадкѣ, представляя собою только остатки прежняго величія. Какъ мы видѣли, первый

дворъ сплошь обращенъ въ поле; и во внутренней оградѣ между описанными церквами и зданіями обители—вездѣ остатки прежнихъ кладбищъ, едвазамѣтные слѣды каменныхъ заборовъ, отдѣлявшихъ одинъ отъ другаго прежніе 11 дворовъ: хлѣбный, поваренный, рыбный, плотничій, дровяной, гостинный, пиленный, мельничный, житенный, мережный, конюшенный.

Изъ этого перечня прежнихъ дворовъ монастырскихъ ясно, что монастырь былъ не только святыней и крѣпостью: въ немъ процвѣтали еще промыслы и мастерства разнаго рода. Дѣйствительно, изъ грамоты 1646 г. узнаемъ, напри- мѣръ, что царь Алексѣй Михайловичъ, нуждаясь въ каменщикахъ и кирпичникахъ, приказывалъ взять ихъ изъ Кириллова монастыря, «которые и напередъ сего его каменное дѣло дѣлывали».

Изъ остатковъ старины въ обители отмѣтимъ, кромѣ храмовъ, еще:

1. *Ризницу*. Въ ней много драгоценныхъ облачений, церковной утвари, — все это добротныя пожертвованія благочестивыхъ царей и князей Русскихъ и боголюбивыхъ мірянъ. Особенное вниманіе привлекаетъ къ себѣ великолѣпное кадило серебряное, вызолоченное; на немъ пять главъ церковныхъ; около кадила наго жерла — изображенія семи первыхъ діаконъ христіанской церкви.

Замѣчательны также: покровъ на гробницу преподобнаго Кирилла съ его изображеніемъ и ризы бархатныя, перешитыя изъ порфиры Бориса Годунова. Особенно же драгоценны:

1) Изображеніе св. Кирилла, писанное съ него при жизни святымъ Діонисіемъ Глушицкимъ, который скончался десять лѣтъ спустя послѣ Кирилла. Глубокое благоговѣніе внушаютъ величаво-спокойныя, многодумныя черты преподобнаго.

2) Фелонь и подризникъ преподобнаго.

3) Деревянные красные сосуды—дискось и потиръ—съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи, точно такіе же, какіе были у св. Сергія. Они вѣроятно употреблялись преподобнымъ Кирилломъ при богослуженіи.

4) Овчинный тулупъ чудотворца, широкій, съ петлями; его же:

5) шерстяная шапка,

6) костыль орѣховаго дерева,

7) кожаная котомка,

8) кожаный поясъ съ деревянною пряжкой,

9) двѣ чаши мѣдныя,

10) деревянный крестъ;

11) Святцы, писанныя его рукою;

12) духовное завѣщаніе преподобнаго, которымъ онъ поручалъ монастырь покровительству князя Андрея Дмитриевича (ср. стр. 14 и 37).

Въ ризницѣ хранится также стулъ, сдѣланный патриархомъ Никономъ, съ надписью: «7176 г. (1668) марта 12 дня сей стулъ сдѣланъ Никономъ смиреннымъ, патриархомъ, въ заточеніи за Слово Вожіе и за святую церковь въ Оералпонтѣ монастырѣ, въ тюрьмѣ».

II. *Книгохранилище.* На перениску священныхъ книгъ въ древнія времена смотрѣли, какъ на дѣло богоугодное; переписчикъ подготавлился къ труду своему постомъ и молитвою. И св. Кириллъ переписалъ нѣсколько богослужебныхъ книгъ своею рукою, и книги эти до сихъ поръ хранятся въ библіотекѣ Кириллова монастыря. Кромѣ этихъ рукописей, тамъ было много и древнихъ книгъ, печатанныхъ во время, когда книгопечатаніе едва начало распространяться на Руси, но книги эти перевезены нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ библіотеку С.-Петербургской духовной академіи.

III. Въ томъ же зданіи, гдѣ хранятся рукописи — мирные свидѣтели духовной жизни иноковъ Кирилловой обители, — хранится и *записъ древняго оружія*, которымъ монастырскіе воины отражали литву и поляковъ. Кольчатые нагрудники и наспинники, которыхъ не приподынешь, говорятъ о силѣ древнихъ богатырей.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ въ отвѣтъ на вопросъ, который часто задаютъ

слушающіе рассказы о монастырѣ св. Кирилла: «Отчего онъ называется Бѣлозерскимъ, если стоитъ на озерѣ Сиверскомъ. Гдѣ же Бѣлоозеро?»

Весь обширный край къ сѣверу, востоку и югу отъ Бѣлоозера, съ нынѣшними городами Каргополемъ, Устюгомъ, Бѣлозерскомъ и Вологдою, составлялъ прежде область «Бѣлозерскую». Она сначала входила въ составъ княжества Ростовскаго. Во время нашествія Батыя съ татарами на Русскую землю, въ несчастной битвѣ на рѣкѣ Сити (1237 г.), въ которой погибъ великій князь Юрій Всеволодовичъ, другой князь, Василій или Василько Константиновичъ Ростовскій, попался въ плѣнъ и былъ замученъ татарами. Его княжество подѣлилось между двумя сыновьями: старшему, Борису, достался край Ростовскій, младшему, Глѣбу— край Бѣлозерскій. Потомки Глѣба уступили потомъ свое княжество князьямъ Московскимъ; но великій князь Московскій Дмитрій Иоанновичъ Донской, умирая (1388 г.), завѣщалъ Бѣлозерскую область сыну своему Андрею Дмитриевичу Можайскому, объ отношеніяхъ котораго къ св. Кириллу мы упоминали выше (ср. стр. 14 и 36).

«Бѣлозерскимъ» чудотворцемъ св. Кириллъ названъ собственно не по имени озера, а какъ

просвѣтитель, духовный наставникъ и защитникъ всего края Бѣлозерскаго.

Самое Бѣлозеро находится верстахъ въ 35—40 отъ обители Кирилловой.

На пути отъ Кириллова къ Бѣлоозеру попадается не мало интереснаго.

Мы уже упоминали о горѣ Маурѣ или Мауриной, отдѣляющей озеро Сиверское отъ долины рѣки Шексны (ср. стр. 17 и 29). По преданію народному, именно съ этой горы преподобный Кириллъ впервые узрѣлъ мѣсто, предназначенное Богоматерью для его обители. Взойдя на нее, путникъ можетъ насладиться обширнымъ и прекраснымъ видомъ на окрестную даль: съ одной стороны Горницкій женскій монастырь и долина полноводной Шексны, прихотливо извивающейся среди лѣсовъ и луговъ; съ другой—монастырь Кирилловъ съ блестящими куполами его 11-ти церквей, съ могучимъ бѣлокаменнымъ кремлемъ, подымающимся изъ водъ озера Сиверскаго, которое, не смотря на свою пятиверстную длину, теряется среди безчисленныхъ озеръ, разбросанныхъ и вправо, и влѣво отъ него, соединенныхъ лентами каналовъ и рѣкъ. Всѣ эти воды сверкаютъ зеркальной поверхностью въ зелени лѣсистыхъ холмовъ, среди луговъ, среди полосъ ржи и прибрежныхъ пе-

сковъ. Вершина самой Мауры совершенно открыта; на ней лежитъ огромный камень, на которомъ виденъ какъ-бы отпечатокъ слѣда челоѳческаго. Народное преданіе признаетъ его слѣдомъ ноги св. Кирилла.

Обогнувъ Мауру сначала вдоль озера Сиверскаго, а затѣмъ лѣсистыми пригорками, путешественникъ въ семи верстахъ отъ обители Кирилловой, на берегу Шексны, въ одномъ изъ прихотливыхъ изгибовъ ея, вступаетъ въ обитель Горлицкую или Горлицы. Женскій монастырь этотъ во имя Воскресенія Христова тоже принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ монастырей русскихъ по множеству связанныхъ съ нимъ историческихъ воспоминаній. Въ немъ проживали многія инокини царскаго и княжескаго рода, постриженныя иногда по собственной волѣ, а чаще по неволѣ при Іоаннѣ Грозномъ и въ смутное время, наступившее по кончинѣ его.

Основанъ Горлицкій Воскресенскій монастырь въ 1544 году теткою Іоанна Грознаго, помянутою выше (стр. 25) княгинею Евфросиніей, супругою князя Андрея Ивановича Старицкаго, къ землямъ котораго тогда принадлежалъ весь край Бѣлозерскій. Князь Андрей Старицкій не ладилъ съ матерью Грознаго, Еленою, пытался даже завладѣть пре-

столомъ Московскимъ и за это погибъ въ темницѣ. Примѣръ его не устрашилъ княгини Евфросиніи: во время болѣзни Иоанновой она стала домогаться престола для сына—Владимира Андреевича. Иоаннъ этого ей не простилъ. Въ 1569 году Евфросинія, вмѣстѣ съ племянницей своей Іуліаніей (вдовою брата Иоаннова, Юрія), волей или неволей должна была постричься; Евфросинія нареклась Евдокіей, Іуліанія—Александрою. Прибыли онѣ въ Горницы, однако, еще съ пышностью княжеской, могли еще осыпать своими благодѣяніями сосѣднюю Бѣлозерскую обитель; но шесть лѣтъ спустя, Иоаннъ приказалъ утопить обѣихъ въ Шексиѣ. Онѣ погребены противъ соборнаго алтаря, въ особой часовнѣ.

Долго жила въ Горницахъ въ заточеніи и вдова Иоанна Грознаго, Марія, мать убіеннаго въ Угличѣ царевича Дмитрія, по смерти сына постриженная въ монашество подъ именемъ Марѣы. Прибывъ туда, несчастная мать построила въ соборѣ Горицкаго монастыря два придѣла: одинъ во имя Богоматери Одигитріи, другой—во имя Кирилла Бѣлозерскаго, дабы въ нихъ приносить Господу молитвы за душу безвременно погибшаго отрока. Но вскорѣ дошла до нея вѣсть о чудесахъ, свершившихся у гроба царевича, о перенесеніи нетлѣнныхъ

мощей его въ Московскій Архангельскій соборъ; затѣмъ ей дали свободу. Инокія Марѳа во дворилась тогда на жительство въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, а въ соборѣ Горицкой обители построила третій придѣлъ во имя святаго сына своего. Образъ царевича, присланный ею для этого придѣла, до сихъ поръ стоитъ въ немъ.

Когда Годуновъ воздвигъ гоненіе на родъ Романовыхъ, въ Горицахъ долгое время по неволѣ жилъ съ теткой своей, княгиней Черкасскою, и юный Михаилъ Романовъ, впоследствии царь Михаилъ Ѳеодоровичъ; между тѣмъ какъ отецъ его, бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ (впоследствии великій патріархъ Филаретъ) томился въ невольномъ постригѣ въ монастырѣ Сійскомъ, а мать, тоже невольная инокя Марѳа, въ одномъ изъ погостовъ заонежскихъ. Изъ Горицъ уже переселился юный Михаилъ въ Кострому, гдѣ жилъ съ матерью, пока вся земля Русская, изстрадавшись отъ внутреннихъ раздоровъ и враговъ внѣшнихъ, отъ самозванцевъ, Поляковъ, Шведовъ и вольницы всякаго рода, не позвала его на царство.

Въ Горицы же сослана была Лжедмитріемъ красавица Ксенія, дочь Годунова.

Къ сожалѣнію, всѣ церкви Воскресенской обители передѣланы въ новомъ вкусѣ, и о

великомъ прошломъ ея едва напоминаютъ часовня княгини Евфросиніи и Іуліаніи да нѣсколько древнихъ иконъ.

Если отъ Кириллова монастыря ѣхать на Бѣлозерскъ (40 верстъ), то башни Кириллова монастыря пропадаютъ изъ глазъ только на 11-й верстѣ; а затѣмъ вскорѣ, по выѣздѣ изъ небольшого села, издали съ пригорка уже открывается Бѣлоозеро. Глинистое дно и малая глубина—нигдѣ не превышающая трехъ сажень—придаютъ озеру бурый цвѣтъ, но оно почти непрерывно волнуется и названіемъ вѣроятно обязано бѣлой пѣнѣ своихъ волнъ. Оно, какъ въ длину, такъ и въ ширину, имѣетъ верстъ 60. Въ Бѣлоозеро впадаетъ 26 рѣкъ *), а вытекаетъ изъ озера одна Шексна (потому она и многоводна). Много погибало судовъ и народа въ Бѣлоозерѣ, пока въ 1846 г. для обхода его не провели канала, линія котораго обозначается издали мачтами судовъ, мелькающихъ впереди озера. Каналь имѣетъ 63 версты въ длину, глубина его отъ 3 до 4 аршинъ, ширина двѣнадцать аршинъ. Когда обходнаго канала не было, суда, шедшія съ Волги, подымались по Шекснѣ прямо въ Бѣлоозеро и входили въ него у Крохна по-

*) Изъ нихъ значительнѣе другихъ Ковжа, соединенная каналомъ съ рѣкою Бытегрою, впадающей въ озеро Онежское.

сада. Теперь же идти бурнымъ озеромъ отваживаются немногіе; семь верстъ ниже Крохина, т. е. не доходя истока Шексны, въ мѣстѣ называемомъ «Чайка», они изъ озера вступаютъ въ каналъ и, пройдя каналомъ нѣсколько верстъ къ западу, подходятъ къ городу Бѣлозерску.

Версты за двѣ до Бѣлозерска привлекаетъ вниманіе довольно высокій курганъ, покрытый рѣдкими елями, и мѣстами разрытый. По народному преданію, это—могила Синеуса, одного изъ трехъ витязей варяжскихъ, призванныхъ на княженіе въ 862 году Славянами прильменскими и сосѣдными съ ними финскими племенами, и положившихъ начало государству Русскому. Внявъ призыву, Рюрикъ сталъ княжить въ Новгородѣ, Труворъ—въ Изборскѣ, а Синеусъ—на Бѣлозерѣ.

Теперь про курганъ этотъ въ народѣ ходятъ всякіе невѣроятные рассказы: увѣряютъ, напримѣръ, будто въ немъ зарытъ кладъ, будто находились охотники искать его, будто однажды и дорылись было до какого-то сундука, да изъ кургана внезапно показался воинъ на конѣ... кладонскатели испугались и разбѣжались, а вырытая яма засыпалась.

Бѣлозерскъ расположенъ между каналомъ и озеромъ и, благодаря каналу, очень оживленъ въ судоходное время. Въ немъ,

однако, ничего особенно замѣчательнаго нѣтъ; можно развѣ упомянуть о четверугольномъ земляномъ валѣ, сажени въ $3\frac{1}{2}$ —4 вышиною, который находится въ западной части города. Всѣ четыре стороны вала занимаютъ до 550 сажень; кое-гдѣ оставлены промежутки для воротъ; передъ валомъ сухой ровъ. До 1758 года на валу еще стояли деревянные стѣны съ башнями. Внутри этой земляной ограды нѣсколько полуразрушенныхъ зданій и два собора (холодный во имя св. Василія и теплый въ память Преображенія Господня). Этотъ валъ—любимое мѣсто прогулокъ для горожанъ и горожанокъ. Дѣйствительно, видъ съ него на Бѣлоозеро очарователенъ.

На своемъ настоящемъ мѣстѣ Бѣлозерскъ существуетъ, впрочемъ, только съ 1352 года; раньше онъ стоялъ на другомъ мѣстѣ, версть за семнадцать, и стоялъ онъ тамъ давно: тамъ—какъ мы сейчасъ вспоминали—водворился Синеусъ; тамъ среди населенія, еще погруженнаго во мракъ язычества, при великомъ князѣ Ярославѣ I Мудромъ, сынѣ Владиміра Святаго, просвѣтителя Руси, построена была деревянная церковь во имя св. Василія Неокесарійскаго. Преданіе гласитъ, что при ея освященіи разразилась гроза и молнія ударила въ березу, которой язычники поклонялись;

какъ святынѣ. Многіе изъ нихъ, объятые ужасомъ, спѣшили креститься. На новое мѣсто Бѣлозерскъ переведенъ былъ послѣ сильной моровой язвы, которую народъ называлъ «черной смертью». Въ древнемъ Бѣлозерскѣ отъ нея вымерло все населеніе, не осталось въ живыхъ ни одного человѣка.

Мѣсто стараго города еще до сихъ поръ, однако, обозначается небольшими буграми. Между ними на мѣстѣ прежней церкви св. Василя, на лѣвомъ берегу Васильевскаго ручья, поставлена часовня во имя Василя Блаженнаго; въ ней остатки кирпичной гробницы какого-то князя. По народному повѣрью, здѣсь погребены князья Борисъ и Глѣбъ Васильковичи (ср. стр. 37), но повѣрье это ошибочно. Мы уже рассказали, какъ послѣ мученической смерти Ростовскаго князя Василя въ плѣну у татаръ, сыновья его Борисъ и Глѣбъ подѣлили отцовское наслѣдіе: Борисъ взялъ край Ростовскій, Глѣбъ—край Бѣлозерскій. Братья, вмѣстѣ съ другими князьями земли Русской, должны были нести тяжкую долю: ѣздить къ татарскому хану въ орду на поклонъ. Во вторую поѣздку ихъ, въ 1277 году, Борисъ умеръ въ ордѣ. За смертью его всѣ земли отцовскія снова соединились въ рукахъ Глѣба, и онъ въ слѣдующемъ 1278 году изъ орды отправился уже не на Бѣлозеро, а прямо въ Ростовъ.

Въ томъ же году онъ тамъ и скончался, на 42 году отъ рожденія, и погребенъ въ церкви Пресвятыя Богородицы. Надъ каменной гробницей его въ Ростовѣ и по сію пору ежегодно отправляется панихида въ день святыхъ Бориса и Глѣба. Тѣмъ не менѣе, перѣдко служатъ панихиды по князѣ Глѣбѣ (даже по обоимъ братьямъ Борисѣ и Глѣбѣ)—и на мнимой могилѣ ихъ, въ часовнѣ на буграхъ древняго Бѣлозерска *).

Впрочемъ не даромъ сохранилась въ народѣ память о князѣ Глѣбѣ Васильковичѣ. Лѣтопись представляетъ его ласковымъ, милостивымъ, смиреннымъ, богобоязливымъ, щедрымъ: «брашно свое и питіе нещадно подающе требующимъ и многу милостыню убогимъ». Татарскіе ханы относились къ нему очень милостиво, а онъ расположеніемъ ихъ пользовался, дабы по возможности ограждать христіанъ отъ притѣсненій слугъ ханскихъ. Имъ основаны Бѣлозерская пустынь на островѣ Кубенскаго озера и Бѣлозерскій монастырь св. Троицы. Сохранилась память и о его заботахъ по устройству обширнаго Бѣлозерскаго края: имъ прорыты два канала

*) Этыхъ князей, Бориса и Глѣба Васильковичей, не слѣдуетъ смѣшивать со святыми князьями Борисомъ Владиміровичемъ и Глѣбомъ Владиміровичемъ, сыновьями св. Равноапостольнаго князя Владиміра, просвѣтителя Руси, погибшими въ 1015 г. отъ убійць, подосланныхъ Святополкомъ Окаяннымъ. Память ихъ празднуется 2 мая.

для уничтоженія въ теченіи рѣкъ Вологды и Сухоны большихъ извилинъ, значительно удлинявшихъ плаваніе по этимъ рѣкамъ. Измѣнивъ теченіе, онѣ и донынѣ текутъ по руслу, указанному имъ волею князя, по мѣстностямъ, которыя и на Вологдѣ, и на Сухонѣ съ тѣхъ поръ называются «Княже-Глѣбова крѣпость».

Закончу указаніемъ еще на достопримѣчательную но древности деревянную церковь, въ память Положенія ризы Богоматери, въ селѣ Бородаевѣ, на пути между Бѣлозерскомъ и Крохинымъ. Ей насчитываютъ 600 лѣтъ. Постройкою она дѣйствительно напоминаетъ самыя древніе храмы; въ ней до сихъ поръ даже вмѣсто колокола сзываетъ православныхъ на церковныя службы бѣло—чугунная доска, въ которую ударяютъ камнемъ.

Глядя на храмъ этотъ, видишь передъ собою какъ бы образецъ тѣхъ первоначальныхъ церквичъ, о которыхъ упоминается въ житіяхъ св. угодниковъ, разлившихъ свѣтъ ученія православной вѣры въ дебряхъ нашего сѣвера. Таковъ долженъ былъ быть и первый храмъ обители св. Кирилла, созданный по молитвѣ его вѣроятно на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии возникъ нынѣшній, тоже уже обветшалый, соборъ Успенія Пресвятой Богородицы (стр. 22).
